

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Л КИРИЛЛА ОРЛОВСКОГО,

или Несколько страниц из частной жизни патриарха колхозного строя

Недавно на одном из неприметных домов на центральной улице в деревне Мышковичи Кировского района появилась такая же неприметная табличка. Она засвидетельствовала факт исторический: в этом доме до конца дней своих жил патриарх колхозного строя, «рассветовский» председатель Кирилл Орловский. Личность не только легендарная, но и в немалой мере трагическая.

Не один десяток лет делались попытки придать бывшему председательскому дому статус музея. Однако до сих пор, как говорил герой классической кинокомедии, желания с возможностями не совпадают. Дом Орловского по-прежнему не без интереса посещают делегации из ближнего и дальнего зарубежья, где их встречает разменявшая восьмой десяток лет бывшая домработница Кирилла Орловского Мария Александровна Яцунская.

Она одна из немногих, кто еще может приоткрыть малознакомые страницы жизни человека, с которого десятилетия брало пример молодое поколение, а московские писатели боролись за право написания кино-сценария, легшего в основу фильма «Председатель».

Взглянуть через годы за кулисы событий, о которых нередко предусмотрительно умалчивалось, помогли люди, разделившие семейную драму основателя «Рассвета» как личную.

Цена женской измены

Стоит ли спустя многие годы ворошить былое относительно того, было ли беззаветное служение Кирилла Орловского великой коммунистической идее частью его личной драмы? Потеряв на фронтах войны с врагами советской власти руки и в немалой мере слух, несомненно, героический человек и патриот, подполковник госбезопасности Кирилл Орловский с персональной пенсией был отправлен в отставку. Рукой старшей дочери Лидии (как свидетельствует автор книги «Человек из легенды» Илья Борисов) Кирилл Орловский написал прошение в ЦК ВКП(б) об отправке его в деревню Мышковичи с целью восстановления колхоза. Кирилл Прокофьевич никак не мог предположить, что в очередной раз судьба нанесет ему удар в спину. И этот удар будет самым неожиданным, поэтому и самым болезненным — от любимой жены Натальи Будзюк.

В годы смертельной опасности верную подругу и жену Наталью Константиновну Орловский боготворил: «Наташа была волевым человеком, со светлым умом и большим сердцем. Жена никогда не жаловалась, если мне приходилось надолго расставаться с ней, выезжать... на выполнение боевых заданий, помогала во всем, в чем могла, верила в мое воинское сердце».

Однако сменить квартиру в центре Москвы, дарованную Верховным главнокомандующим Иосифом Сталиным Герою Советского Союза Кириллу Орловскому, на глухую белорусскую деревню жена Наталья не решилась. Отвергнутый семьей, Орловский самолетом направился в Минск, где убедил первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймона Пономаренко в переименовании прежнего колхоза «Красный партизан» в «Рассвет».

Перебравшись в Мышковичи, Кирилл Прокофьевич нашел временный приют у одного из родных братьев. Братеньник же, посмотрев на то, что за покалеченным на войне Кириллом нужен уход, как за беспомощным ребенком, не выдержал и выставил его за дверь. Посоветовав на прощание поискать в деревне бабу, которая могла бы застегивать на нем одежду и ботинки. Правда, в отместку уже в скором времени председатель «Рассвета» за нарушение трудовой дисциплины выставил из членов колхоза брата-обидчика. Тем самым показав, что порядок в колхозе един для всех. Только, увы, никакое колхозное благополучие не могло заменить Орловскому предавшее его семейство.

Вера Степановна БЕЛЯВСКАЯ, племянница Татьяны Белявской:

— Встреча Кирилла Прокофьевича с Татьяной Васильевной Белявской, ставшей в скором времени его супругой, была, наверное, счастливой случайностью.

В раннем возрасте я осталась без родителей, и меня растила Татьяна Васильевна. Она была чистоплотной и хорошей хозяйкой. Думаю, это послужило главной причиной того, что местные жители посоветовали не имеющему своего угла Орловскому попроситься к ней квартирантом. В один из дней к нам в дверь постучал председатель, и Татьяна Васильевна, не дождавшаяся с фронта мужа Ермолая, отвела ему небольшую комнатку в нашем доме. Он стеснялся, старался сам надевать одежду и обувать культей да остатком левой ладони. И тут отзывчивая Татьяна Васильевна первой предложила ему помощь: начала не только его обихаживать, но и готовить пищу. Через некоторое время я уехала в Бобруйск на учебу, а когда возвратилась, то Кирилл Прокофьевич и Татьяна уже были законными мужем и женой.

Спустя годы первая жена Наталья Константиновна, сидя в своей московской квартире, одумалась и, прихватив подругу, приехала посмотреть, как обустроился на новом месте Кирилл Прокофьевич. Известие, что Кирилл обзавелся в Мышковичах женой Татьяной, было для нее настоящим шоком.

Вот сидим мы в доме за одним столом: Орловский, две жены и я. Татьяна Васильевна первой нарушила затянувшееся молчание: «Вы извините, что мы с Кириллом Прокофьевичем породнились, но теперь вы можете вновь с ним сойтись. Если так надо, то я уйду с вашего пути»...

Орловский выслушал все это, высоко забросив голову, а потом и говорит: «А меня вы спросили? Что же без моего участия меня делите? Не обижайся, Наталья Константиновна, но ты не сможешь так за мною ухаживать и так меня уважать, как Татьяна Васильевна. Я не согласен быть опять с тобою, но помогать материально тебе и дочерям буду, как и прежде...»

Наталья, помню, ватными ногами подошла к моей кровати и, повалившись, долго рыдала. Подруга как могла утешала ее, говорила, что жизнь можно построить и без Орловского.

Иван Михайлович БЕЛЯВСКИЙ, бывший врач семьи Орловских (скончался во время подготовки материала):

— Особенности характера этого человека наглядно проявились

и еще в одной ситуации. Приехал в Мышковичи известный советский писатель Юрий Нагибин, чтобы с председателя Орловского списать образ главного героя для сценария художественного фильма «Председатель». Кто-то Орловскому подсказал, что знаменитая писательская особа привезла с собой в Мышковичи любовницу (это была известная поэтесса Белла Ахмадулина, впоследствии ставшая очередной женой Ю.Нагибина). Раздосадованный Кирилл Прокофьевич в единственной встрече с Нагибиным был достаточно категоричен: «Пускай я взял вторую жену из-за того, что меня оставила первая. Да и уход за мной нужен. А ты же молодой и с руками!»

— Как же просочилась к Орловскому такая пикантная информация?

— Чекисты знают все. (Смеется). Он вообще по моральным соображениям мог порвать отношения с любым человеком. Даже своего близкого друга и соратника, Героя Советского Союза, председателя колхоза «Партизанский край» Брестской области Василия Коржа Орловский укорял за то, что Екатерина, которую тот взял в жены, была на 30 лет его моложе.

— Насколько же его нравственному идеалу отвечала Татьяна Васильевна?

— Петру Мироновичу Машерову во время последней встречи Орловский сказал дословно следующее: «Если мои награды надо было бы разделить, то часть их я отдал бы той женщине, которая нашла в себе силы подниматься вместе со мной на работу в четыре утра».

Этой женщиной была бывшая доярка Татьяна Васильевна Белявская, для которой муж-председатель выстроил на центральной усадьбе колхоза «Рассвет» небольшой, но уютный дом. Поселившись в нем, супруги Орловские были самой счастливой семейной парой.

Доярка доярке ноги не помает...

По мере того, как становился на ноги колхоз «Рассвет», обремененная семейными заботами Татьяна Белявская активно влияла и на осуществление кадровой политики в «Рассвете». До кон-

чины Орловского в суровую зиму 1968 года по ее рекомендациям зачастую снимались и назначались многие руководящие кадры среднего звена. Умудренный жизненным опытом, Кирилл Прокофьевич жене не перечил, а последующие успехи колхоза на всесоюзной арене подтверждали точный расчет кадровых расстановок.

Зачастившие в Мышковичи многочисленные делегации, да и регулярные командировки Орловского на сессии Верховного Совета СССР оставляли у Татьяны все меньше времени для ведения домашнего хозяйства. Родственники Татьяны Васильевны поделились секретом, что все приезжавшие зарубежные делегации угощались в Мышковичах не общепитовскими ужинами, а за домашним столом, накрытым Татьяной Васильевной. Кулинарный рецепт тающих во рту котлеток «по-татьянински» раздобренные «Столичной» и гостеприимством иностранцы так и не дознались у жены бывшего чекиста.

Нередко в ответные заграничные поездки Орловского упаковывала свои наряды и его любимая супруга, временно оставляя фамильное «имение» без присмотра. Поэтому с предложением жены нанять домработницу Кирилл Прокофьевич согласился. Хотя мучали его некоторые сомнения по поводу того, как расценят «барские» замашки председателя рядовые колхозники. К чести «рассветовцев», Орловского, положившего себя без остатка на алтарь колхозного строительства, никто за эту слабость не осудил.

Девчушка 16 лет, которую мышковчане называли попросту Маня, оставив на колхозной ферме буренок, окунулась в новую жизнь. Однако карьера юной домработницы сложилась крайне неудачно. Как-то Кирилл Прокофьевич был в отъезде, а его домочадцы весь день сажали на огороде картофель. Уставшая Татьяна, набрав в таз воды, предложила Мане помыть ей ноги. Реакция юной служанки была более чем бурной: «Если бы это попросил сделать не имеющий рук дядя Кирилл, то я бы согласилась. Вам же ноги мыть не буду».

Говорят, что Татьяна Васильевна, не сумевшая побороть свое ущемленное самолюбие, предложила домработнице покинуть дом.

Та наспех связала в узел одежду и уже собралась было уходить. Однако пошедшая на принцип Татьяна заявила: «Одежду не отдам, так как ты еще не отработала золотые коронки, которые мы помогли тебе поставить».

Вернувшийся из командировки Орловский привез девушку обратно, возвратив подаренную им одежду. Маня, поблагодарив Прокофьевича за доброту и участие, подалась опять на ферму доить колхозных коров.

Погасив ненужный для семьи конфликт, Татьяна с Кириллом Прокофьевичем отправились по Кировщине в поисках новой прислуги.

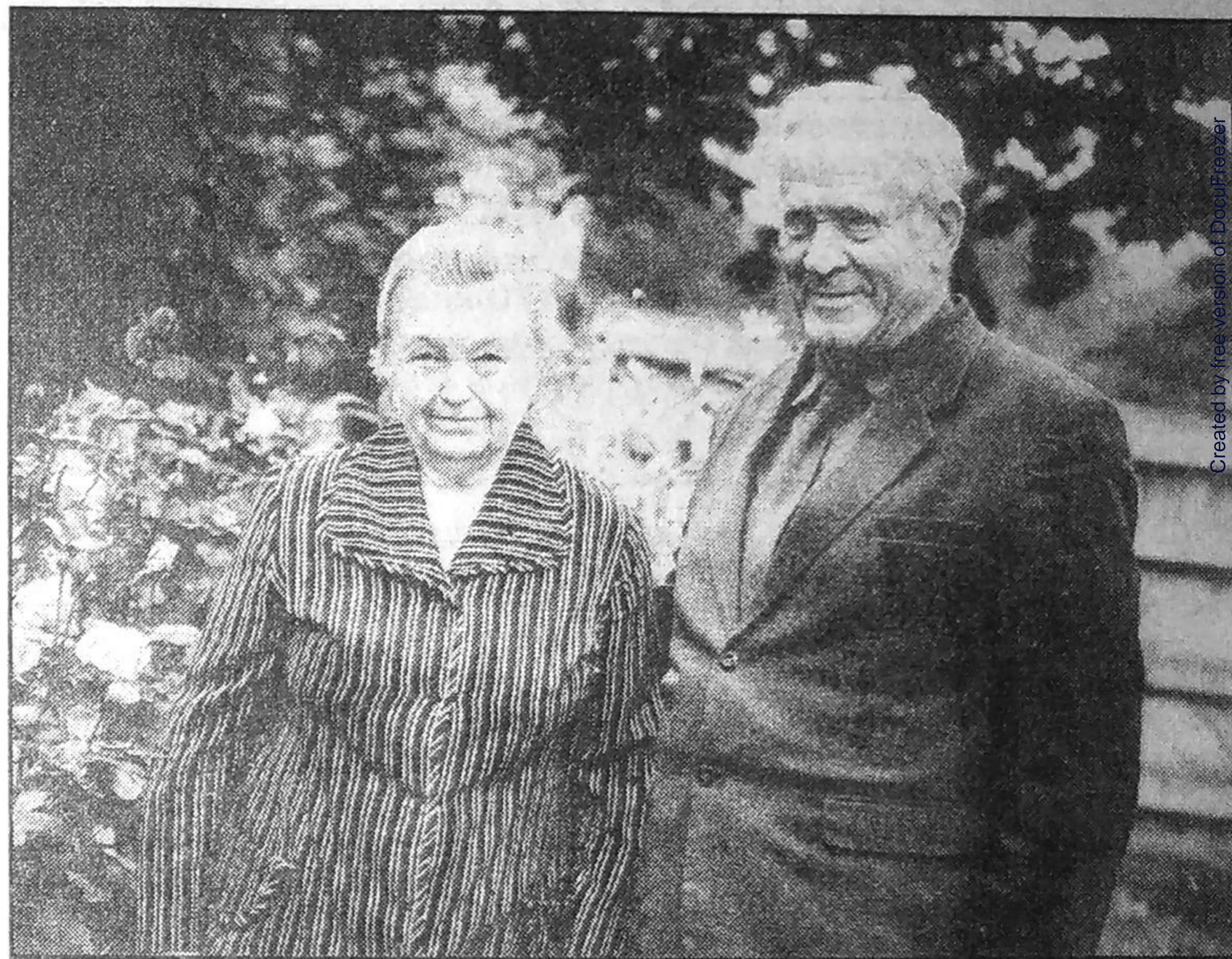
В небольшой деревне Хоново, которой сегодня уже нет на карте района, жили две сестры под крышей ветхого дома. По указанному сельчанами адресу и явились Орловский с Татьяной Васильевной.

Мария Александровна ЯЦУНСКАЯ, бывшая домработница семьи Орловских, и поныне проживающая в хозяйском доме:

— Это был 1954 год. Жили мы в нашем стареньком домике — я, сестра с мужем и детьми. Чем вертеться у чужой семьи под руками, я подумала и приняла предложение Кирилла и Татьяны Орловских.

Пообещали они мне хорошую плату да в придачу дармовые одежду и питание. Так хотелось подзаработать у них денег и купить себе отдельный дом, чтобы односельчане позавидовали. А они, кстати, и завидовали, когда узнали, что я служу домработницей у таких знатных людей. Хотя в Мышковичах многие меня осуждали, как будто бы я нанялась прислугой из-за нежелания работать в колхозе.

Все расчеты со мной вела Татьяна Васильевна и платила ни много ни мало — 15 рублей. Если учесть, что буханка хлеба стоила тогда 14 копеек, то на хлеб от зарплаты до зарплаты, да еще на дорогу к сестре хватало. Это уже теперь немного обидно, что моя мечта собрать на дом деньги так и не осуществилась. Работая у хозяев до самой их смерти, я осталась ни с чем. А бывший дом Орловских, где я теперь живу, принадлежит родственникам Татьяны Васильевны. Голько одно и утешает, что жизнь прошла

рядом с такими замечательными людьми, какими были Кирилл Прокофьевич и Татьяна Васильевна.

— Что же входило в ваши обязанности, Мария Александровна?

— Когда Татьяна Васильевна была занята, то приходилось выполнять все домашние работы. Помогала Кириллу Прокофьевичу одеваться, часто готовила для него обеды и ужины.

(Окончание следует)

На снимке: врач Кирилла Орловского Иван Михайлович БЕЛЯВСКИЙ с супругой Верой Степановной, племянницей Татьяны Белявской.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ КИРИЛЛА ОРЛОВСКОГО,

или Несколько страниц из частной
жизни патриарха колхозного строя

5 (Окончание. Начало в № 271)

В еде хозяин был непривередлив. Любимым его блюдом была жареная картошка с салом и яйцами, да еще картошка в «мундирах» с простоквашей. Кожуру с картошки я ему сама чистила.

Помогала готовить Татьяне Васильевне, когда приезжали зарубежные делегации. Много начальников приезжало из Минска и Могилева. Тогда доводилось доставать и самогонку, которую по заказу Орловского гнали тамошние колхозники.

— Любил ли отмечать Орловский религиозные праздники, как-никак человек с огромной партийной закалкой?

— Не только любил, но и знал их все. Как-то накрывали мы с Татьяной стол по поводу предстоящего Спаса, а Орловский взял да и пригласил без предупреждения райкомовских работников. Выпили они хорошенько, закусили, а потом стали критиковать Кирилла Прокофьевича за то, что в зале у коммуниста икона Божьей Матери вывешена. После этого случая Орловский приказал Татьяне перенести икону в спальню, подальше от чужих глаз.

Но больше всего, мне кажется, любил Орловский бывать на свадьбах, где много шуток и веселья. Сам он любил полечку сплясать, да отпустить хорошую шутку. Правда, мог, как деревенский мужик, так сказать, что и уши завянут.

Что касается остроты Орловского на слово, то рассказывают такой весьма забавный эпизод.

За год до смерти Орловского пригласили в Могилев на городской слет туристов, проходивший под девизом «Дорогами отцов-героев». Приехал на него и знаменитый военный летчик-ас Иван Кожедуб. Орловский свои заслуги выпячивать не любил (звезды Героя надевал только для фотосъемок) и на слет не приехал. Тогда полный энтузиазма секретарь ЦК комсомола, карьеру которого впоследствии погубило спиртное, привез Орловского на своем служебном автомобиле. Затем, представляя Кирилла Прокофьевича собравшейся молодежи, он несколько раз назвал председателя «Рассвета» своим чуть ли не лучшим другом. Орловскому, преданному лишь своим старым фронто-

вым друзьям, пассаж молодого комсомольского функционера явно не понравился. Поэтому на вопрос собравшихся, как отдыхают колхозники в «Рассвете», Орловский ответил: «Мы организацией «погулянок» не увлекаемся, так как на них надо приглашать таких людей, как секретарь ЦК ЛКСМБ (и назвал его фамилию). Это очень бьет по колхозному карману».

Личная жизнь Кирилла Прокофьевича в Мышковичах за все годы никакими домыслами и сплетнями не обросла. Татьяна Васильевна, знающая цену семейному счастью, никому из домочадцев не позволяла распространяться на улице о ее взаимоотношениях с Орловским.

Непредсказуемый председатель

Информация из литературных источников

По темпам роста производства молока в 1957 году, в том числе валового и на 100 гектаров, Белоруссия заняла в Советском Союзе второе место после Литвы.

По отношению к 1956 году надои молока в колхозах и совхозах республики увеличились в 1957 году на 41%. По производству молока на душу населения республика уже приблизилась к уровню США: в США — 343 килограмма, а в Белоруссии — 319,5 килограмма.

К концу 50-х годов колхоз «Рассвет» стал признанным республиканским лидером в развитии животноводства. В развернутом Никитой Хрущевым соревновании под лозунгом «Догнать и перегнать Америку» рассветовцы по надоям молока вышли на первое место в республике. В 1957 году здесь было надоедено от коровы 4655 килограммов молока.

Однако за весьма скептическое отношение Кирилла Прокофьевича к кукурузной «эпопее» Никита Сергеевич (колхоз вопреки партийной линии посеял лишь 10 экспериментальных гектаров этой культуры) окрестил в сердцах председателя известного колхоза матерным по тем временам словом «травопольщик». Тогда же пострадала и политическая карьера Орловского. Он впервые не был включен в списки кандидатов в депутаты Верховного Совета страны.

За опытом по достижению высоких надоев к «травопольщику» Орловскому, при всех оказиях сверху, ехали бесконечные делегации из разных уголков страны и мира. Знакомство одной из таких делегаций с опытом содержания высокопродуктивных буренок костромской породы едва ли не стоило жизни Кириллу Орловскому.

Иван Михайлович БЕЛЯВСКИЙ:

— В те годы приезжала в «Рассвет» делегация из Латвии, которую возглавлял председатель Президиума Верховного Совета республики Карл Озолинь(ш). Поутру они вместе с Кириллом Прокофьевичем отправились на колхозную ферму, чтобы посмотреть, как ухожен скот. Орловский на свою беду прихватил под мышку папку с надписью «Кандидат в члены ЦК КПСС». Как и полагалось в те времена, папка была красной. Этот цвет и сыграл роковую роль. Невесть откуда вырвавшийся племенной бык загнал высокого латвийского гостя на изгородь, а Орловского, поддев на рога, начал подбрасывать на земле. Только прибежавший на крик животновод смог отвести в загон разъяренное животное. Военный китель и брюки-галифе Кирилла Прокофьевича были изорваны, тело — в синяках и ссадинах. Сломаны были рука-культия и ключица. В таком состоянии он еще сам дошел до дома. Встретив мужа, вывалянного в грязи и в разорванной одежде, до смерти перепуганная Татьяна Васильевна бросилась к телефону вызывать «скорую». В районной больнице я немедленно ввел ему противошоковое средство и наложил гипс на переломы. Две недели мы боролись за жизнь Орловского, а потом перевезли его в хирургическое отделение одной из минских клиник.

Самое интересное, что характеризовало Орловского как хозяйственника от Бога, произошло чуть позже. Еще не выздоровевшему как следует после бычьей «атаки» Орловскому колхозники привезли в столичную больницу тревожную весть. Дело близилось ко второй половине октября, а в колхозе затягивалась уборка тысячи гектаров картофеля. Из всей огромной площади урожай был убран только на 300 гектарах. Невзирая на сильное сопротивление завотделением и главврача, он заставил меня приехать в Минск и отвезти его в Мышковичи. Сразу из машины Орловский направился в колхозную канцелярию, где собрал заведующих фермами и бригадиров. Твердым голосом Кирилл Прокофьевич сказал, что если останется невыкопанным хотя бы один гектар картофеля, то все колхозные коммунисты во главе с председателем будут исключены из рядов КПСС.

И что вы думаете, 700 гектаров картофеля были выкопаны за 10 дней — работали все, от мала до велика. В других же колхозах Кировщины неубранный картофель прихватил мороз.

Орловский потом очень часто говорил колхозникам, что, мол, благодарите меня, больного человека, спасшего урожай.

О том, что к колхозному достоянию Орловский пытался привить отношение как к собственному, свидетельствуют и другие факты. Такое поведение председателя давало положительные результаты. Просыпанные из телеги на дорогу несколько морковок организатор «Рассвета» подобрал уцелевшими пальцами левой руки и принес на ферму. Затем, разыскав нерадивого работника, Орловский заставил его один трудодень отработать безвозмездно в пользу родимого колхоза.

И еще одна черта отличала Кирилла Прокофьевича — он страшно не терпел мздоимцев и взяточников. Казалось бы, мелочь. Орловский как-то заметил, что его личный водитель взял с пассажира, которого подвозил, деньги. Моральное воздействие Кирилла Прокофьевича было настолько сильным, что Аркадий Константинович (так звали водителя) повертелся и был вынужден за те 30 «левых» рублей заправить бензином колхозный «ЗИС».

— **Иван Михайлович, с чего же начинался «Рассвет» Орловского?**

— В 1944 году Орловский приехал в Мышковичи из Минска на автомобиле «виллис», подаренном ему бывшими коллегами из Комитета госбезопасности. Правда, через некоторое время, посмотрев на здешнюю убогую жизнь, он обменял свой председательский автомобиль на упряжь для колхозных лошадей. Затем поехал в Саратов, откуда привез горстку семян яблонь. Из них и пошел нынешний знаменитый рассветовский сад. На 400 тысяч рублей ссуды, полученной в банке, закупил в Костроме телят. А уже в 1945 году благодаря высокому урожаю репчатого лука он смог возвратитъ взятые у государства деньги.

Вся предыдущая жизнь Орловского была сопряжена с риском. Приступая к организации колхоза, которому было суждено войти в историю, Орловский также немало рисковал. Он понимал, что только крупное хозяйство сможет достичь высоких экономических

результатов. Поэтому присоединил к «Рассвету» 11 мелких колхозов района, а для концентрации рабочей силы снес деревню Перегоны. Ничего не подозревавшие 32 семьи из Перегонов переселил за один день в заранее срубленные дома в Поповщине. На месте прежней деревни все было снесено, а освободившееся место перепахано и засеяно.

Были, конечно, и те, кто остался крайне недовольным этим поступком Кирилла Прокофьевича. Даже настроили в Москву жалобу на имя Климента Ворошилова, но дело-то уже было сделано.

Умирал председатель бессребреником

Лечащий врач семьи Орловских Иван Белявский, когда разговор зашел о здоровье человека, проведшего жизнь в постоянном напряжении и борьбе, немало восхищался его неистощимыми физическими качествами.

Иван Михайлович БЕЛЯВСКИЙ:

— Когда мне исполнилось 20 лет, Кирилл Прокофьевич присмотрелся и назначил меня бригадиром. Я был от природы парнем крепким, но угнаться в поле за Орловским было все равно не вмоготу. Только потом я начал догадываться, что такая ходьба для Орловского была своеобразной физкультурой.

В последние годы жизни, когда болезнь уже основательно подкосила Кирилла Прокофьевича, он даже летом выходил во двор в валенках. Чем, кстати, однажды немало удивил заезжих московских журналистов.

Орловский все чаще испытывал сильные боли, но никогда никому не жаловался и не стонал. Согласно истории болезни, которая и поныне хранится у меня дома, у него был рак желудка с метастазами в печени и поджелудочной железе.

Летом 1967 года его навестили руководители республики — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Машеров и председатель Совета Министров БССР Тихон Киселев. Кирилл Прокофьевич лежал во дворе на раскладушке. Едва я вошел после работы в дом, как следом за мной вбежал охранник Маше-

рова. Он попросил меня подойти к Петру Мироновичу... Машеров протянул мне руку и, чтобы другие не слышали, произнес: «Вы же знаете, чем болен Кирилл Прокофьевич? Ему необходимо помочь обезболивающими...» Я утвердительно кивнул, хотя знал, что Орловский упорно отказывался принимать наркотики.

Прощаясь, Петр Миронович склонился на коленях над Орловским и, обняв его, поцеловал. А Тихон Яковлевич (что меня немало удивило), не стесняясь, поморщился.

Впоследствии Киселев и сам умер от злокачественного новообразования.

Мария Александровна ЯЦУНСКАЯ:

— В субботу, 13 января 1968 года, Кирилл Прокофьевич велел затопить баню. У него уже начинали отекать ноги. В этот же день из Москвы приехала его младшая дочь Светлана. Кирилл Прокофьевич приободрился: живо поинтересовался делами внука и мужа дочери. Однако нельзя было не заметить и его очевидную подавленность — дочь вела себя необъяснимо сухо и даже не поцеловала отца. Хотя он каждый месяц пенсию отправлял по почте дочерям. Затем Татьяна Васильевна усадила всех за обеденный стол и спросила в шутку мужа: «А ты что, с нами не выпьешь?» — «Ты же знаешь, Татьяна Васильевна, мою выпивку», — ответил Орловский. Жена протянула ему налитый в ложку новокаин. И только он пригубил болеутоляющее, как глаза его закатились...

Прибежавший на зов о помощи опытный врач и друг семьи Иван Михайлович Белявский так и не смог заставить биться сердце Кирилла Орловского. Многие, кто приехал тогда проститься с ним, а то и просто поглазеть, в каких «хоромах» жил знаменитый человек, были явно поражены скромностью гардероба и жилища Орловского.

С кем из односельчан Кирилла Орловского мне ни доводилось встречаться, все отмечали его неумемное стремление сделать богатым не себя, а колхозников «Рассвета». Даже сегодня они с благодарностью вспоминают, как зажиточно им жилось при Кирилле Прокофьевиче, который первым из рассветовцев завел за рога в колхозный сарай собственную корову. Любая семья ежедневно получала на каждого работающего в колхозе, помимо зарплаты, по 3 литра молока, 8—10 килограммов картофеля, капусту, огурцы и даже хлеб.

Пожалуй, наиболее точно охарактеризовали представления Ки-

рилла Орловского о личном богатстве близкие ему люди — Вера Степановна и Иван Михайлович Белявские. К деньгам у Кирилла Прокофьевича жадности не было, но цену каждой копейке он знал. Вкладывая все свои сбережения в строительство Мышковичской школы, он говорил родственникам: «Много ли будет проку от того, если эти деньги я раздам дочерям, жене одной да другой? А так будет новая школа, а значит, и долгая память».

Хранительница реликвий

Мария Александровна Яцунская, похоронив своих хозяев (Татьяна Белявская скончалась в 1993 году), на девятом десятке лет больше походит не на бывшую прислугу семьи Орловских, а на знающего толк в истории архивариуса. Она провела меня в маленькую спальню, где, как и при жизни Кирилла с Татьяной, стоят две аккуратно убранные кровати. На свежевзбитых подушках — кружевные наволочки. Из семейных альбомов Мария Александровна извлекла хранимые десятилетиями в доме Орловских фотоснимки, на которых запечатлены обожаемые ею люди.

— **А портреты вождей у Орловского были? — интересуюсь у Марии Александровны.**

— Портрет Ленина и теперь хранится, а вот когда он от Сталина избавился — даже не припомню.

Затем Мария Александровна подвела меня к мореным в темный цвет шкафам и с лукавым видом попросила: «Если кто-то спросит, то передайте, что все вещи хозяев находятся в полной сохранности».

Я покрепче захлопнул створки шкафов, где хранятся известные на всю страну шляпы и костюмы Орловского. Хорошо, что новый век еще держит хранительницу реликвий. А что же будет после нее?

На снимке: домработница Кирилла Орловского М.А. ЯЦУНСКАЯ.